

**г. Усть-Илимск,
Иркутская обл.**

Разговоры с мёртвыми

(Фрагмент романа)

Открываю альбом, и на меня смотрит молодая чёрно-белая мама, примерно моего возраста. Она выглядывает из-за берёзы, касаясь варежкой ствола дерева. Мамину голову окутывает платок, на ногах красивые сапожки. Короткое пальто обнажает ноги выше колен.

Рядом мой отец. Тоже смотрит на меня. Отдельно от мамы, на соседнем прямоугольнике. У отца длинные тёмные волосы. В семидесятые модно было носить клёши и отращивать волосы.

На следующей фотографии я на плоском мотоцикле из оргалита. Передо мной волк из «Ну, погоди!». Сзади сидит брат и улыбается, поддерживая меня. Чуть впереди выставлена табличка, на которой из цифр составлено число 1982. За нами раскинули в стороны ветки пальмы, каштаны и кипарисы.

В голове возникает мелодия: «Кипарисы, каштаны – тем, кому по карману...»

Передо мной море. Бетонные стены выгибаются, становясь на мостик. Круглые камни, убегая от них, наслаиваются один на другой и улепётывают в воду. В ней камни темнеют, приобретая волшебную загадочность.

На фотографии мне семь лет. Я по колено в морской воде. Отец сидит в ней. В мою сторону оттопыривается его пузо. У отца серьёзный взгляд, складки морщин на лбу и тёмные волосы, в которых проглядывает седина.

Общая фотография из детского сада. Карликовые петрушки в острых колпаках и с огромными пуговицами в горошек на весёлых комбинезонах. Мальвины в пышных платьях и воспитатели. На мальчике, которым был я, стоит крестик, поставлен-

ный шариковой ручкой на груди, чтобы не спутать его с другим ребёнком.

Брат и я. Мне два года, ему – десять. На мне полосатый джемпер, а на Пашке – футболка с олимпийским медвежонком. Полуовалы бровей над круглыми глазами. Я не понимаю, что со мной делают. Десятилетний мальчик показывает в камеру пальцем. Мы сидим на полу, согнув ноги в коленях. Пашка объясняет мне, что надо смотреть в камеру, и так застывает. Оба подстрижены под канадку.

Ниже двухлетний брат. Теперь глаза удивлённые и круглые у него. Лицо мальчика в небольшом прямоугольнике. Рот тонкой линией.

Мама в центре и две её подруги по сторонам. Молодая мама сияет счастьем. Её подруги тоже. Фотография лета и молодости.

Отец с младенцем на руках. Укутанный в тюк, перевязанный лентой, ребёнок спит. Серьёзный отец. Он держит в руках что-то очень дорогое, и у него большие мужицкие руки.

Детский сад. В руках у меня балалайка, на которой нарисованы лады, струны и колки. Сажу за игрушечным столом. За мной цветы в горшках. На столе дом лилипутов, пластмассовые свинки, кошечка, играющая с мячиком, и черепашка. Я улыбаюсь застенчивой улыбкой. Балалайку держу с видом профессионала. Как будто сошёл со сцены, и мне говорят: «Сфотографируйтесь, пожалуйста, для нашего журнала». А я: «Запросто!» Щёлк. Пальцы левой руки зажали струны аккордом.

Тётя Вика с дочкой и мамой, моей бабушкой.

Мама загорает на гальке. Руки за головой, ноги согнуты в коленях, смотрит в камеру.

Все эти люди улыбаются. В прошлом было только счастье. В этом они хотят уверить себя, когда берут альбом в руки через пять лет, десять, двадцать. «Улыбнитесь: сейчас вылетит птичка!»

И, может, действительно много лет назад всё было хорошо, а может, и нет. А может, улыбнулся, потому что так просил фотограф. Потому что хотелось уверить себя в том, что ты был счастлив.